

ЗАГАДКА ЛАВАНДОВОЙ БИБЛИОТЕКИ

Рукопись, которой не было

Андрей Конт

Андрей Конт

**Загадка лавандовой библиотеки.
Рукопись, которой не было**

«Автор»

2026

Конт А.

Загадка лавандовой библиотеки. Рукопись, которой не было /
А. Конт — «Автор», 2026

После событий первой книги Анна Морозова остаётся в Цветочном и берётся за главное наследство тёти Веры — сорок две рукописи с хрониками семи семей-хранителей. Но одна из находок ставит под сомнение не только прошлое города: в старой тетради появляется страница, обвиняющая предка местного учителя Егора Соколова в предательстве. Анна замечает, что рукопись хранит чужую строку. Бумага, чернила и переплёт говорят: лист попал в архив намного позже. Кто создал подделку — и зачем спустя десятилетия вновь столкнул между собой семьи Цветочного? Путь к разгадке ведёт от дома на Лесной улице к заброшенному Романову, от старых музейных описей к исчезнувшей коробке на чердаке бывшей пекарни. А рядом с Анной остаётся Семён Орлов — человек, чья семья тоже хранит часть этой непростой истории. «Рукопись, которой не было» — вторая книга цикла «Загадка лавандовой библиотеки»: тёплый провинциальный детектив о памяти, доверии и правде, которую нельзя сохранить, выбрав в ней только удобное.

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Андрей Конт

Загадка лавандовой библиотеки. Рукопись, которой не было

Глава

Глава 1. Осенняя опись

К октябрю Цветочное становилось тише.

С набережной уходили летние разговоры, в окнах домов раньше загорались лампы, а у площади ветер гонял по мокрой брусчатке жёлтые листья. Волга за деревьями казалась тяжёлой и ровной. Анна любила смотреть на неё из окна мансарды, пока закипал чайник, но теперь времени на это почти не оставалось.

С утра в «Лавандовой странице» пахло кофе, влажным деревом и бумагой.

На большом столе у окна лежали три раскрытые папки, стопка бескислотной бумаги, карандаши, хлопковые перчатки и карточки для описи. В дальнем углу между стеллажом и батареей развалился Барсик. Он следил за происходящим с выражением человека, которому надоели чужие важные дела.

— Тридцать первая, — сказала Дарья Романова, сверяясь с листом. — Хроника семьи Соколовых. Конец девятнадцатого века, дополнения до тридцать восьмого года.

Анна поставила на край стола чашку и придвинула к себе тонкую тетрадь в потёртом сером переплёте.

С виду она была самой обычной. Не роскошной, не древней, не похожей на вещь, за которую борются в кино. Бумага потемнела по краям, нитки переплёта вытянулись, на обложке проступило пятно от старой сырости. Но за последние недели Анна успела понять: в Цветочном самые важные вещи почти всегда выглядели именно так.

— Давайте без спешки, — напомнила она. — Сначала общее состояние, потом листы, чернила, пометы. И только потом содержание.

— Я и не спешу, — суховато ответила Дарья. — Я радуюсь.

Анна подняла глаза.

Дарья улыбалась. У неё была привычка говорить строгим голосом даже тогда, когда ей было хорошо. За месяц совместной работы Анна уже перестала принимать это за недовольство.

— Простите, — сказала Дарья. — Просто я всю жизнь работала с отдельными фрагментами. С выписками, чужими пересказами, архивными ссылками, которые обрываются на самом интересном месте. А здесь — целая система. Семь семей. Несколько веков. И почти без потерь.

— Почти, — тихо поправила Анна.

Дарья кивнула.

В нише за стеллажом, открытой в конце лета, нашли сорок два ящика с рукописями и семейными хрониками. Теперь они жили своей новой, очень земной жизнью: их нужно было описывать, беречь от сырости, сверять с фондами музея, иногда просто осторожно расправлять страницы после долгого плена тесных коробок.

Ничего сказочного в этом не было. Только работа.

И всё же каждый раз, когда Анна снимала с полки очередную папку, ей казалось, будто дом делает вдох.

Дверной колокольчик звякнул.

— Я вовремя? — спросил Егор Соколов, стряхивая с пальто капли дождя.

— Если принесли обещанные фотографии, то очень вовремя, — сказала Дарья.

— Принёс. И ещё пирог от Маши. Она сказала, что вы обе забываете обедать.

— Маша говорит это всем, кто заходит сюда после двенадцати, — заметила Анна.

— Но редко ошибается, — ответил Егор.

Он положил на свободный край стола плотный конверт и коробку, от которой сразу потянуло яблоками и корицей. Барсик приоткрыл один глаз. Его интерес к научной работе явно зависел от наличия выпечки.

Егор снял очки, протёр их краем шарфа и посмотрел на раскрытую тетрадь.

— Это наши?

Дарья кивнула.

— Вашей семьи. Мы ещё не читали подробно. Хотели сделать это при вас, если вы не против.

— Почему я должен быть против?

Вопрос прозвучал спокойно, но Анна заметила, как он положил ладонь на спинку стула и не сразу сел.

Егор преподавал историю в местной школе. Он умел говорить о давних войнах и реформах так, что даже пятиклассники слушали его без привычного школьного терпения. Но сейчас он выглядел не как учитель. Скорее как человек, которого пригласили на разговор о родственнике, давно умершем, но всё ещё способном причинить неприятность.

Анна осторожно перелистнула тетрадь.

Первые страницы были заполнены ровным, старомодным почерком. Записи шли год за годом: урожай, ледоход, свадьбы, болезни, переезды. Иногда — короткие заметки о книгах, которые передавали из дома в дом. В одном месте кто-то вложил сухой лепесток василька. В другом — детский рисунок, сделанный синей химической ручкой уже в послевоенные годы.

— Вот, — сказала Дарья, наклоняясь ближе. — Добавление на отдельном листе. Бумага другая.

Лист был вшит почти у самого конца тетради. Анна заметила это ещё утром, но не успела внимательно рассмотреть.

Почерк тоже отличался. Буквы были крупнее, чернила — темнее. Текст занимал чуть больше половины страницы.

Дарья прочла вслух:

— «В год тридцать седьмой, когда в городе искали списки и книги, Пётр Соколов указал место, где были спрятаны бумаги. После того как люди ушли, ничего из того места не осталось. И если потом говорили, что он поступил по совести, то говорили не всю правду».

В библиотеке стало очень тихо.

За окном хлопнула дверь машины. Где-то на кухне зашумела вода в трубах. Барсик поднялся, потянулся и ушёл под стеллаж, словно ему не понравилось, как изменился воздух.

Егор медленно взял очки.

— Пётр Соколов, — сказал он. — Это мой прадед.

Дарья ничего не ответила.

Анна посмотрела на лист ещё раз. Не на слова — на края бумаги, на неровную линию, где его когда-то подшили. На едва заметную тень от клея у внутреннего сгиба. На две дырочки, оставленные тонкой иглой.

— Это надо проверить, — произнесла она.

Егор поднял на неё взгляд.

— Проверить что?

— Когда лист появился в тетради. Чем он написан. Откуда взялась бумага. В таких вещах нельзя делать выводы сразу.

— Но вы уже думаете, что он ненастоящий?

— Я думаю, что он требует проверки.

Дарья мягко отодвинула от рукописи папку с карточками.

— Анна права. Текст может оказаться подлинным. Может быть поздней записью кого-то из семьи. Может быть пересказом чужого свидетельства. Но пока мы не понимаем, откуда он взялся, нельзя ни обвинять, ни оправдывать вашего прадеда.

Егор усмехнулся без радости.

— Удобная формулировка для историка.

— Не удобная. Честная.

Он встал и подошёл к окну. Несколько секунд смотрел на пустую улицу.

Анна знала это чувство. В Москве, когда ей приносили на реставрацию чужой семейный портрет или письмо, люди часто хотели получить не сохранённую вещь, а подтверждение своей версии прошлого. Чтобы под слоем грязи обязательно оказался красивый цвет, чтобы трещина объяснялась случайностью, чтобы подпись была сделана именно тем человеком, которым хотелось её считать.

Бумага редко соглашалась быть удобной.

— Я принёс фотографии, — наконец сказал Егор. — Там есть одна, тысяча девятьсот тридцать восьмого года. Пётр на ней ещё молодой. И рядом несколько человек, которых я не знаю. Бабушка говорила, что это «те, кто держал слово». Я думал, просто семейная фраза.

Семён Орлов однажды сказал почти то же самое. Только иначе: хранители слова не прятали документы навсегда. Они передавали их дальше, когда люди могли собраться по доброй воле.

Анна почувствовала, как внутри, совсем негромко, складывается первая ниточка.

— Покажите, — попросила она.

Егор достал из конверта фотографию в тонком бумажном уголке. На ней стояли пятеро мужчин возле деревянного дома. На заднем плане темнели яблони, у калитки виднелась часть знакомого фонаря. Снимок был выцветшим, но лица различались.

Дарья наклонилась над ним.

— Вот это, кажется, Романов, — сказала она. — По семейному альбому, который я видела у дальних родственников. А этот мужчина...

Она замолчала.

— Кто? — спросил Егор.

— Не уверена. Нужно сверять.

Анна взяла лупу. На обороте фотографии карандашом были выведены дата и несколько слов: «После разговора. Не всем можно верить».

Почерк оказался не похож ни на основную хронику, ни на спорный лист.

— Похоже, ваша работа на сегодня отменяется, — сказал Егор.

— Наоборот, — ответила Анна. — Она только начинается.

Он посмотрел на неё внимательно, будто хотел возразить, но передумал.

В этот момент дверь снова открылась. На пороге стоял Семён Орлов в мокрой куртке, с папкой под мышкой и привычным спокойным выражением лица.

— Добрый день, — сказал он. — Мне Маша по дороге сообщила, что у вас тут обнаружилась историческая сенсация. Я надеялся, она преувеличивает.

— Пока нет, — сказала Анна. — Пока только одна страница, которая слишком многое обещает.

Семён подошёл к столу, не касаясь рукописи.

Егор молча подвинул к нему фотографию.

Орлов прочёл надпись на обороте, задержался на ней чуть дольше, чем следовало бы, и поднял глаза на Анну.

— Это не сенсация, — сказал он. — Это повод никому не торопиться.

Анна кивнула.

За окном дождь стал мельче. На стекле дрожали отражения ламп, стопок бумаги и четырёх людей, собравшихся вокруг старой тетради. В середине комнаты пахло яблочным пирогом, но никто о нём больше не думал.

На столе лежала страница, которая могла изменить одну семейную историю.

Или оказаться написанной именно для того, чтобы её изменить.

Глава 2. Чужая строка

На следующий день дождь закончился, но город не стал светлее.

Над Волгой висел низкий белёсый туман. С набережной тянуло холодной водой, а в библиотеке с утра пришлось включить обе маленькие печки, хотя до настоящих морозов было ещё далеко.

Анна пришла раньше всех.

Она открыла дверь «Лавандовой страницы», привычно сказала в пустоту: «Доброе утро», — и только потом услышала недовольное мурчание из кресла у окна. Барсик, свернувшийся на старом пледе, открыл один глаз.

— Тебя я не разбудила, — сказала Анна. — Ты просто сделал вид, что работаешь сторожем.

Кот отвернулся к спинке кресла.

Вчерашняя рукопись лежала в закрытой папке на столе в дальнем зале. Анна не стала оставлять её на ночь открытой. Не потому, что боялась кражи — скорее потому, что сама не хотела снова видеть ту страницу, пока не будет готова смотреть на неё как на предмет, а не как на историю Егора.

Она вымыла руки, надела тонкие перчатки и достала лист.

При дневном свете он казался спокойнее. Просто бумага. Просто чернила. Просто неровный край, по которому кто-то когда-то подшил его в старую тетрадь.

Анна наклонила лампу, включила холодный свет и долго смотрела на поверхность.

В реставрации ей больше всего нравилось то, что вещь никогда не лгала полностью. Она могла быть повреждена, переписана, собрана из чужих частей. Её могли чистить, подкрашивать, хранить неправильно. Но следы оставались всегда: в волокнах, в сгибах, в привычке бумаги впитывать влагу, в том, как чернила расплзались вокруг буквы.

Вопрос был не в том, есть ли следы.

Вопрос был в том, кто умеет их читать.

Анна достала увеличительное стекло.

Лист был плотнее соседних страниц. На просвете виднелись короткие, более ровные волокна. Бумага не выглядела новой — её явно состарили или долго хранили в неблагоприятных условиях, — но и к концу тридцатых годов она не относилась.

Она положила рядом две карточки: одна для общего описания тетради, другая для спорного вкладыша.

«Лист 84. Бумага, предварительно: отличается от основного блока. Прошивка вторичная».

Анна остановилась.

Слова выглядели сухо. Наверное, так и должно было быть. Но за ними стоял Егор, который вчера стоял у окна, не зная, как защищать человека, которого никогда не видел.

Дверной колокольчик звякнул.

— Я принесла кофе, — сказала Дарья с порога. — И заранее согласна, что это не лучший способ начать рабочий день.

В руках у неё был бумажный пакет с двумя стаканчиками. На плече висела большая тёмная сумка, из которой, как всегда, выглядывали папки.

— Это прекрасный способ, — ответила Анна. — Особенно если вы не принесли ещё три десятка вопросов.

— Только двадцать семь.

Дарья поставила кофе на стойку, сняла пальто и заметила лист под лампой.

— Уже начали?

— Смотрю. Пока ничего окончательного.

— А предварительно?

Анна повернула к ней карточку.

Дарья прочла и не стала сразу ничего говорить. Потом села напротив.

— Вы думаете, он вставлен позже.

— Я думаю, что его вшивали отдельно. И бумага отличается. Но я не хочу делать из этого вывод раньше времени.

— Правильно.

— Егор придёт?

— Написал, что будет после уроков. Сказал, ему нужно «не ставить личное выше учебного процесса». Кажется, это значит, что он всю ночь не спал.

Анна кивнула.

Они работали молча почти час. Дарья сверяла почерк листа с поздними добавлениями в других хрониках. Анна рассматривала нити, сгибы и следы от старого клея. Несколько раз они менялись местами, спорили о мелочах и снова возвращались к одному и тому же.

К полудню у Анны на отдельном листе сложилось четыре короткие строки.

Бумага не совпадает с основным блоком.

Подшивка поздняя.

Чернила отличаются от чернил соседней записи.

На внутреннем поле есть следы клея.

Она постучала карандашом по последней строке.

— Вот это меня беспокоит, — сказала Анна.

Дарья придвинулась ближе.

— Клей?

— Не сам клей. Его слишком мало. Лист сначала, кажется, держали иначе. Возможно, вкладывали между страницами, а уже потом подшили.

— Когда?

— Пока не скажу. Но не в тот момент, когда собирали тетрадь.

Дарья посмотрела в окно. На улице у пекарни напротив женщина поправляла мокрый навес. Два школьника, забыв про холод, спорили из-за велосипеда.

— Если лист появился позже, это ещё не подлог, — сказала она.

— Я знаю.

— Но?

— Но текст слишком хорошо ложится в чужую боль.

Дарья чуть усмехнулась.

— Это не реставрационный термин.

— Нет.

— Зато точный.

Они обе понимали, о чём речь. В старых архивах не раз попадались документы, которые будто ждали современного читателя. Они объясняли всё слишком просто. Давали одного виноватого. Подтверждали то, что людям уже хотелось знать.

Настоящая история обычно была хуже устроена.

Она не укладывалась в одну страницу.

Дверь открылась так резко, что Барсик выскочил из кресла и с достоинством удалился за стеллаж.

На пороге стояла Ольга Виноградова.

Она была в тёмном пальто, застёгнутом до горла, и держала под мышкой плоскую папку. Лицо у неё, как всегда, было собранным. Но Анна заметила: Ольга не сняла перчатки.

— Добрый день, — сказала она. — Надеюсь, я не мешаю.

— Здравствуйте, Ольга Сергеевна, — ответила Дарья. — Мы как раз работаем с одной из хроник.

— Я знаю.

Анна посмотрела на неё внимательнее.

— Откуда?

Ольга чуть помедлила.

— Вчера утром в музей пришёл письменный запрос. Из областного архива. Они просят поднять всё, что связано с семьёй Соколовых и событиями тридцать седьмого — тридцать восьмого годов.

— Почему? — спросила Дарья.

— Формально не объясняют. Ссылаются на научный проект по региональным хранилищам.

— А неформально?

Ольга положила папку на стол.

— Неформально я думаю, что кто-то уже знает о вашей находке.

Анна почувствовала, как холод от окна добрался до пальцев.

— О рукописи вчера знали мы, Егор и Семён.

— В Цветочном этого достаточно, — сухо заметила Ольга.

Дарья открыла папку. Внутри лежала копия запроса, несколько старых музейных карточек и тонкий лист с печатью.

— Я принесла опись материалов, которые когда-то поступали в музей из частных домов, — сказала Ольга. — На случай, если ваша страница каким-то образом связана с нашими фондами.

— Связана? — переспросила Анна.

Ольга подняла глаза.

— На внутреннем поле листа есть бледный след. Вы его видели?

Анна посмотрела на страницу.

Чуть ниже сгиба, почти у самого края, действительно проступал слабый фиолетовый полукруг. Она заметила его утром, но решила, что это пятно от влаги.

Теперь стало видно: это была не случайная отметина.

Это был отпечаток.

— Печать, — сказала Анна.

— Старая музейная печать, — ответила Ольга. — Её использовали до двухтысячных. Потом она пропала при переезде фондов.

Дарья выпрямилась.

— Вы уверены?

— Я не люблю быть уверенной без документов. Поэтому принесла карточку.

В описи значилось: «Печать круглая, фиолетовая. Надпись: “Цветоченский историко-краеведческий музей”». Ниже стояла дата — 2003 год. И пометка от руки: «Не обнаружена».

Анна снова взяла лупу.

Фиолетовый след на листе был почти стёрт. Если бы она не знала, что ищет, то, вероятно, не обратила бы внимания. Но теперь отдельные буквы стали различимы.

«...краеведческий...»

— Значит, лист какое-то время был в музее, — сказала Дарья.

— Или кто-то использовал старую печать, — ответила Ольга. — Это разные вещи.

— У вас были подобные рукописи? — спросила Анна.

Ольга сжала пальцы в перчатке.

— В девяностые и начале двухтысячных в музей приносили многое. Старые тетради, семейные письма, фотографии. Часть принимали на хранение, часть возвращали. Учёт тогда вели... не так, как сейчас.

— Небрежно? — уточнила Дарья.

— Неполно, — сказала Ольга. — И я не собираюсь это оправдывать.

В её голосе не было привычной резкости. Только усталость.

Анна вдруг вспомнила, как Ольга стояла в музейном зале в конце лета, когда стало ясно, насколько опасно было скрывать документы и держаться за удобные решения. Тогда она тоже говорила коротко, почти без эмоций. Но потом всё-таки подписала бумаги, позволившие защитить найденные иконы законно и открыто.

Она умела признавать ошибку.

Не сразу. Но умела.

— Можно посмотреть старые описи? — спросила Анна.

— Я уже распорядилась подготовить то, что сохранилось. Но есть проблема.

Ольга вынула из папки ещё один лист.

Это была копия карточки, заполненной выцветшими чернилами. В графе «Поступление» стояло: «Папка без названия. Частное хранение. Передано временно». В графе «Место хранения» — «кабинет директора».

А ниже, красной ручкой, кто-то когда-то написал: «Не найдено при ревизии 2007 г.».

— Папка исчезла? — спросила Дарья.

— Официально — да.

— И что в ней было?

Ольга покачала головой.

— В карточке не расшифровано. Но рядом стоит старая внутренняя отметка: «Семьи С., Л., Р. Не выдавать без согласования».

Анна почувствовала, как вчерашняя ниточка натянулась.

Соколовы.

Лыковы.

Романовы.

Три фамилии на фотографии.

— Можно сделать копии всего? — спросила Дарья.

— Уже сделала.

Ольга положила на стол небольшую стопку листов. Потом наконец сняла перчатки.

Руки у неё были очень бледные.

— Я не знаю, имеет ли эта папка отношение к вашей странице, — сказала она. — Но если имеет, лучше понять это раньше, чем кто-то решит рассказать историю за вас.

— Кто мог отправить запрос? — спросила Анна.

Ольга посмотрела на неё.

— В городе достаточно людей, которые считают, что библиотеке досталось слишком много чужой памяти.

Слова прозвучали жёстко, но не как обвинение.

Скорее как предупреждение.

После её ухода Дарья долго перебирала копии.

Анна снова смотрела на спорный лист. Теперь он перестал быть одинокой находкой. У него появился музейный след, пропавшая папка и три фамилии, которые уже однажды оказались рядом на старой фотографии.

Дверь открылась ближе к вечеру.

Егор вошёл тихо. В руках у него был термос и пакет с тетрадями учеников. Он остановился, увидев разложенные на столе бумаги.

— Что-нибудь нашли?

Анна сняла перчатки.

— Нашли вопросы.

— Это плохой ответ.

— Зато честный.

Егор усмехнулся, но без прежней горечи.

Дарья придвинула к нему свободный стул.

— Лист, вероятно, подшили позже. Мы ещё не можем сказать, когда именно. Но есть след старой музейной печати и опись пропавшей папки, где упоминаются Соколовы, Лыковы и Романовы.

Егор медленно сел.

— Значит, всё это не из нашей тетради?

— Может быть из неё, — сказала Анна. — Но не обязательно из её первоначальной истории.

Он посмотрел на лист, затем на фотографию.

— А если мой прадед всё-таки сделал то, о чём написано?

Анна не ответила сразу.

— Тогда мы это выясним, — сказала она. — Но не по одной строке. И не потому, что кому-то удобно, чтобы она была правдой.

Егор кивнул.

Барсик вышел из-за стеллажа, запрыгнул на подоконник и стал смотреть в темноту за стеклом. В библиотеке зажгли лампы. Их тёплый свет лёг на старую бумагу, музейные копии и фотографию, где пятеро мужчин стояли у давно исчезнувшего дома.

Анна убрала лист в папку.

На обложке она написала карандашом:

«Требуется проверки происхождения».

И, немного подумав, добавила ниже:

«Не выдавать без согласования».

Глава 3. Разговор у печи

К вечеру библиотека наполнилась обычными звуками.

В маленьком зале у стойки стучали чашки. Две школьницы выбирали между «Капитанской дочкой» и книгой о лошадях. Пожилой мужчина у окна читал газету, время от времени поправляя на носу очки. Маша принесла корзину ещё тёплых булочек и, не спрашивая разрешения, переставила на столе вазу с засохшими ветками.

— Вот теперь похоже на место, где людям хочется жить, — сказала она.

— Ветка стояла нормально, — заметила Анна.

— Нормально — не значит хорошо.

Маша огляделась, заметила папки на дальнем столе и понизила голос:

— Ну что, ваша страница всё ещё страшная?

Анна посмотрела на неё.

— Откуда ты знаешь, что она страшная?

— От Семёна.

— Семён был здесь десять минут.

— Ему хватило, чтобы сказать: «Не обсуждай это с посетителями». А когда он так говорит, значит, обсуждать хочется всем.

Анна устало улыбнулась.

— Я не обсуждаю.

— А я и не спрашиваю. Я просто предупреждаю: вчера возле пекарни Зинаида Павловна уже рассказывала, что у Соколовых нашли «какие-то бумаги про донос». К утру она добавит, что бумаги лежали под могилой, а к выходным — что их принёс призрак.

— Зинаида Павловна была здесь вчера?

— Конечно. За сборником рецептов, который она уже брала три раза.

Анна закрыла глаза на секунду.

— Значит, всё-таки утечка.

— Или просто Цветочное, — спокойно сказала Маша. — Здесь новости не всегда кто-то сливает. Иногда они сами выходят через щели.

Она ушла к посетителям, а Анна осталась у стойки, чувствуя раздражение не на Машу и не на Зинаиду Павловну. На себя.

Она слишком поздно поняла простую вещь: архив нельзя закрыть в папке, если он уже успел задеть живых людей.

После закрытия в библиотеке остались только свои.

Дарья сидела за столом с копиями музейных карточек. Егор перелистывал старую фотографию, хотя, кажется, успел рассмотреть её уже со всех сторон. Ольга Виноградова пришла без папки и без пальто — видимо, прямо из музея. Семён стоял у печки, грея ладони.

— Нам надо договориться, — сказала Анна.

Никто не возразил.

Она принесла из кухни чайник, поставила на стол чашки. В центре, между ними, лежала закрытая папка со спорным листом. Анна не открывала её.

— Кто знал о странице до того, как пошли разговоры? — спросила она.

Дарья загнула палец.

— Вы. Я. Егор. Семён.

— И я, — сказала Ольга. — После вашего звонка.

— Маша, — добавил Семён. — Не содержание. Только то, что найден важный документ.

Анна кивнула.

— И кто ещё мог слышать?

— Посетители, — сказал Егор. — Я вчера пришёл мокрый, весь на взводе. Наверное, не слишком тихо спросил: «Это наши?»

Он сказал это без самооправдания.

— Я не считаю, что вы виноваты, — заметила Дарья. — Но это важно.

— Важно, — согласился он. — Просто не очень приятно.

Семён отодвинул от печки стул и сел не рядом с Анной, а напротив. Он всегда выбирал место, с которого видел вход. Раньше Анна думала, что это профессиональная привычка. Теперь ей иногда казалось, что в ней есть что-то ещё — старая, семейная осторожность.

— Запрос из области мог быть не связан со слухами, — сказал он. — Кто-то мог работать по своим материалам. Но совпадение всё равно надо проверить.

— Каким образом? — спросила Ольга.

— Сначала без театра. Посмотрим, где о рукописях уже говорили открыто: в сети, в городских группах, через музей, через школу. Потом — кто недавно интересовался семьями Соколовых, Лыковых и Романовых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.